

лей новой научной дисциплины — культурологии — науки о культуре, так как культура, по Уайту, — специфическая особенность человечества. Ее предметная область, по мнению Уайта, включает не только изучение современных наций и культур, но и предвидение будущего.

Давая материалистическое объяснение истории культуры, Л. Уайт сводил ее к развитию техники и энерговооруженности, но не включал в ее базис человека. За этот «технологический детерминизм» его справедливо критикует Ю. П. Аверкиев. Определяющим признаком человеческого рода Л. Уайт считал пользование символами, которое обуславливает поведение людей. Эта его теория оказалась, отмечается в книге, немалое влияние на науку, и теперь появился даже термин «символическая этнография».

Возрождение эволюционизма в послевоенные годы, констатируется в книге, связано с влиянием Л. Уайта. В то же время автор справедливо ставит это возрождение в зависимость от особенностей социально-экономического развития мира и главным образом от перемен, происходящих в развивающихся странах, народы которых являлись традиционным объектом этнографического изучения. Эти сдвиги вызвали большой интерес к так называемым культурным изменениям (куда входят урбанизация, модернизация и т. д.) и показали насущную необходимость исторического подхода в исследованиях.

Главным теоретиком этого нового эволюционизма, или неозэволюционизма, явился крупный этнограф Дж. Стюард, выдвинувший концепцию многолинейной эволюции. Стюард тяготел к материалистическому объяснению культуры. Предложенное им понятие «культурный тип» близко, как указывает Ю. П. Аверкиев, к созданной советскими этнографами теории хозяйственно-культурных типов. Признает он также стадийность развития, что сказалось во введенном им понятии уровня культуры. Разработанная Стюардом теория культурной экологии легла в основу экологической антропологии, влиятельного течения современной американской этнографии. Эта школа, как отмечает автор, развивалась также под воздействием теорий Л. Уайта и неофункционализма. Ее сторонники рассматривают общество как часть экосистемы.

Последние главы книги освещают теоретические искания американской этнографии в последнее двадцатилетие. Констатируя значительное влияние на нее марксизма, автор отмечает тягу к материализму и историзму среди ряда ученых и анализирует работы неомарксистов, последовательно критикуя их. Разбирает он также новейшие течения идеалистического толка, возникшие под влиянием структурной лингвистики и известные под названиями этнонауки, этносемантики и т. д.

Книга не свободна от недостатков, главным образом редакционного порядка. Немало стилистических шероховатостей, опечаток, встречаются ошибки. Так, «Боас, — говорится на стр. 70, — родился в 1858 г. в ...ФРГ» (которой тогда не было). Тейяр де Шарден превращен на стр. 238 в Тейлорда де Жардена. Но при всех этих и других погрешностях книга Ю. П. Аверкиевой вносит серьезный вклад в историю этнографической науки. В целом это основательный, ценный, полезный труд, дающий читателю представление о всем пути этнографической науки в США, подвергающий обстоятельному разбору работы ее виднейших представителей.

Ш. А. Богина

А. Н. И п а т о в. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М., 1978, 213 с.

В последние годы советская этнографическая литература пополнилась рядом работ, посвященных типологии этнических общностей. В них были исследованы вопросы об основных типах этносов, об этнических общностях различного таксономического ранга, наконец, о наличии групп, занимающих промежуточное положение между этносами и прочими видами социальных общностей людей. В частности, С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаровым и Я. В. Чесновым было отмечено существование этно-религиозных групп, в которых сочетаются черты как этнической группы, так и общности религиозной¹. Проблеме этноконфессиональных общностей было уделено некоторое внимание и в одной из работ автора данной рецензии². Тем не менее специальных исследований, посвященных сущности этноконфессиональных общностей, долго не появлялось. Мало выходило и работ, где бы рассматривались конкретные этноконфессиональные группы.

Лишь в 1977 и 1978 гг. вышли две книги советского религиоведа А. Н. Ипатова, в которых была исследована одна из интереснейших по истории своего формирования этноконфессиональных групп — меннониты³. Хотя обе эти книги близки по тематике,

¹ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Проблемы этнического развития стран Зарубежной Азии. — «Вопросы истории», 1969, № 1, с. 98—99; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Метаэтнические общности. — «Расы и народы», в. 6, М., 1976, с. 23—24.

² П. И. Пучков. Современная география религий. М., 1975, с. 177—178.

³ А. Н. Ипатов. Кто такие меннониты. Алма-Ата, 1977; его же. Меннониты. М., 1978.

они не идентичны и в известной мере дополняют друг друга. Объектом нашей рецензии будет вторая книга А. Н. Ипатова, более значительная по своему объему и имеющая четко выраженную теоретическую направленность.

Надо сразу же подчеркнуть, что в книге «Меннониты» решаются сразу две весьма важные задачи. С одной стороны, в ней детальнейшим образом рассматривается в историческом плане одна из крупнейших протестантских групп Советского Союза⁴, с другой — впервые в науке достаточно глубоко исследуется проблема этноконфессиональной общности.

Рассмотрим каждый из этих аспектов работы отдельно.

В книге отмечается, что меннонитство возникло в 30-х годах XVI в. в Нидерландах в ходе реформационного движения. Оно представляло собой умеренное крыло анабаптистского движения, крыло, члены которого отказались от применения силы в борьбе против господствующих классов (с. 9). Репрессии вынудили многих меннонитов эмигрировать из Нидерландов сперва в Восточную Фрисландию и Северную Германию, а затем в Восточную и Западную Пруссию, принадлежавшие тогда Польше, которая предоставила переселенцам ряд льгот и привилегий. После первого и второго разделов Польши области, где поселились меннониты, вошли в состав Прусского государства. Большинство привилегий меннонитов было отменено, что вызвало новую их эмиграцию, — на этот раз в Россию. Переселение меннонитов в Россию началось во второй половине XVIII в. после издания царским правительством в 1763 г. «колонизационного манифеста» и продолжалось в первой половине XIX в. Вначале меннониты осели в Екатеринбургской и Таврической губерниях (с. 87—88), затем часть их переселилась в Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии, а также в некоторые районы Сибири и Туркестана (с. 112). В настоящее время меннонитство в СССР, благодаря значительному числу своих сторонников (из последователей протестантизма меннонитов превосходят по численности только лютеране и баптисты), их сплоченности, строгой церковной дисциплине, занимает видное место среди других евангелических конфессий. Кроме нашей страны, меннониты живут также в Нидерландах, ФРГ, Швейцарии, Канаде, США, Парагвае и некоторых других странах.

Кем же по национальности являются меннониты? Учитывая этническую неоднородность этой группы при самом ее формировании (с. 16), постоянные миграции, ответить на этот вопрос нелегко. Не случайно по вопросу о национальной принадлежности меннонитов существует несколько точек зрения (одни считают их немцами, другие — голландцами и т. д.). Глубоко изучив эту проблему, А. Н. Ипатов приходит к выводу, что меннониты (по крайней мере жившие в царской России) представляли собой своеобразную этноконфессиональную общность, которую трудно причислить и к немцам, и к голландцам. Приводимая автором аргументация в пользу такого вывода выглядит достаточно убедительной.

Большой интерес представляет третья, заключительная глава книги, в которой рассматривается эволюция этноконфессиональной общности меннонитов в условиях советского общества. Большинство выходцев из меннонитских семей в настоящее время отошло от религии. Но кто же они сейчас в этническом отношении? Вывод автора книги таков: следует признать наличие своеобразной этнической общности, в которую трансформировалась в ходе эволюции этноконфессиональная общность меннонитов (с. 189).

Обстоятельный исторический обзор этнической и социальной эволюции переселившихся в Россию меннонитов — одна из крупных творческих удач автора, его несомненный вклад в религиоведение и этнографию. Однако еще большее значение имеют, на наш взгляд, содержащиеся в работе А. Н. Ипатова теоретические положения о предпосылках формирования этноконфессиональных общностей, о сущности этноконфессиональной общности как социальной системы. Фактически автор впервые в советской и мировой религиоведческой литературе со всей серьезностью рассмотрел эти проблемы.

Подходя к своему анализу, автор опирался на ряд исследований в области теории этноса, проведенных в последние годы Ю. В. Бромлеем, С. И. Бруком, Н. Н. Чебоксаровым и другими советскими этнографами.

Исследуя вопрос об этноконфессиональных общностях, А. Н. Ипатов не ограничивается примером одних меннонитов, но также обращается к другим подобным группам: старообрядцам (прежде всего бухтарминцам, а также некрасовцам, филипповцам), духоборам, молоканам (с. 7—9, 29, 36, 61—63, 81—85).

Важнейшими предпосылками формирования этноконфессиональной общности А. Н. Ипатов считает миграционные процессы, интегрирующее воздействие религиозного фактора, эндогамную обособленность, сельский локальный образ поселения в иноязычной и иноконфессиональной среде (с. 6). Развивая выдвинутое Ю. В. Бромлеем положение об эндогамии как об одном из свойств этнической общности, автор подробно рассматривает, какую роль играла эндогамная обособленность при формировании этноконфессиональных групп (с. 22—29).

Как же представляет себе А. Н. Ипатов конкретный механизм формирования этноконфессиональной общности? По его мнению, такая общность складывается «в течение

⁴ В нашей стране выходили и другие книги о меннонитах (А. И. Клибанов. Меннониты. М — Л., 1931; В. Ф. Крестьянинов. Меннониты. М., 1967 и др.), однако работа А. Н. Ипатова является качественно новой ступенью в изучении этой конфессиональной общности.

длительного взаимодействия культового комплекса какого-либо вероисповедания со специфическими элементами культуры и культурно-бытовыми особенностями той этнографической группы или нескольких родственных этнографических групп (как в случае с меннонитством), с которыми это вероисповедание было исторически взаимосвязано. При этом, с одной стороны, ряд специфических особенностей культуры и быта в результате сложнейшего взаимодействия с культом впитываются им, становятся его составными элементами, „конфессонализуются“. С другой стороны, отдельные компоненты культового комплекса, особенно его ритуалы, религиозные обычаи и традиции, проникая в национальные формы общественной жизни, приобретают характер этнических явлений, этнически окрашиваются, если можно так сказать — „этнизируются“ (с. 47).

В целом следует констатировать, что перед нами оригинальная и достаточно хорошо аргументированная концепция, в которой раскрываются генезис этноконфессиональной общности и ее сущность.

Обязанности рецензента заставляют указать и на отдельные недочеты, которые можно встретить в этой работе. В ней имеется ряд недостаточно четких формулировок. Например, автор говорит, что связь меннонитства только с одной этнической группой «создает видимость тождества вероисповедания и национальности, усиливающуюся благодаря совпадению религиозной и этнической принадлежности в одном конфессиональном самоназвании (sic!) „меннониты“» (с. 4). Не вполне удачно также выражение «миграционные и эмиграционные процессы» (с. 6). Как известно, эмиграция — один из двух основных видов миграции (другой вид — иммиграция).

Голландцев, фламандцев и фризгов неправильно называть этнографическими группами (с. 4). Это самостоятельные народы.

Не совсем точно утверждение, что этноконфессиональные общности формируются из эмигрантов, бежавших после поражения религиозно-общественных движений (с. 6). В ряде случаев дело обстоит действительно так, но далеко не всегда.

На с. 39 недостаточно ясно сказано о времени и условиях возникновения нидерландского языка.

Прилагательное, образованное от гидронима Вилла, будет не «Привисленский», как это дано в книге (с. 64), а «Привислинский».

Наконец, вряд ли верно называть аборигенами Парагвая имеющуюся в этой стране меннонитскую группу (с. 127).

Как видно, все сделанные замечания не носят принципиального характера и ни в коей мере, не снижают общую весьма высокую оценку книги. Работа А. Н. Ипатова, посвященная актуальной и до сих пор мало исследованной теме, является, как уже отмечалось, серьезным вкладом в науку.

П. И. Пучков

НАРОДЫ СССР

Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979, 126 с.

Рецензируемая книга продолжает серию публикаций (монографий, статей, очерков и докладов), основанных на материалах конкретно-социологических исследований проблем развития и сближения наций, которые с конца 60-х годов осуществлялись социологами и историками Эстонии. В 1974 г. сотрудниками Сектора конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна и эстонскими учеными было проведено совместное исследование, с выводами которого и знакомит рецензируемая книга. Большое значение имеет то обстоятельство, что полученные учеными результаты можно сопоставить с результатами уже проведенных в других регионах СССР обследований. Кроме того, правомерно экстраполировать ряд выводов и наблюдений данного исследования на соседние Прибалтийские республики, в основном на Латвию, которая входит в один таксон с Эстонией по ряду социально-экономических, демографических и культурных показателей.

В совместной работе московских и эстонских ученых органично сочетаются анализ исторических и статистических источников с анализом материалов репрезентативных социологических опросов. В данной книге рассматривается ряд актуальных социологических вопросов (социальная структура населения современной Эстонии, семья, различные вопросы культурной жизни республики). Ввиду небольшого объема книги авторы должны были особенно тщательно отобрать наиболее важные проблемы. Лаколичное, концентрированное изложение их в «Очерках» говорит о большой предварительной аналитической работе.

Удачной представляется структура книги. Основным главам ее — «Сфера трудовой жизни», «Сфера семейной жизни», «Сфера культурной жизни», «Сфера межнациональ-